МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63.

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

19 ДЕК 1985

С ДУШОЙ, ПОЛНОЙ СОЛНЦА

Побывав в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на выставке «Эдуард Мане. Восемь картин д'Орсе», вспоминаешь слова Золя о первом впечатлении от картин французского художника XIX века: «сурово и терпко...»

ПРОТИВ буржуа и обывателя Мане выступает «веселым бойцом».

На это зрелище стоило взглянуть: лица, искаженные гримасами возмущения и гнева; выпученные глаза; бранящиеся рты; зонты, угрожающе нацеленные в картины... И вот уже у картин Мане стоит охрана, а сами они перевешены повыше.

Буржуа оскорбляла «легкость» изображения, видимая простота — без пышности, атрибутов, картинности, условных эффектов. Не представление для публики, но личное представление самого художника о жизни. Буржуа привык к возвышенно - стандартным поделкам живописцев, мастеровито потрафлявших вкусу заказчиков с туго набитой мошной. «О, эта косность,— восклицал Мане,— все эти мастера, застывшие на одной формуле, которая приносит им ренту...»

Два полюса у Мане. «Человек с абсентом», выброшенный обществом за ненужностью в дальний угол. Одинокий и горестный «Художник», полный сомнений и одержимости. И — лживый мир буржуа, каким он предстает, например, в «Бале-маскараде в Опере». Частокол цилиндров, сборище кокоток, изломанные линии, нервная сумятица цветовых пятен. Мир внешне благополучный, благопристойный, но каждую минуту готовый разразиться грозой.

Картины Мане правдивы. И это больше всего не нравилось буржуа. Художник будто бы и не вносил в них иронии, но тем не менее человек, глядящий на его картину, эту иронию вдруг в себе ощущал. В картинах отражалась карикатурность нравов времен Второй империи во Франции. Картины поражали воображение. И потому, даже уйдя с выставки, буржуа продолжал бушевать. Что отражалось в лихорадочных выкриках критиков, которых Золя называл художественными полицейскими.

За видимую простоту изображения Мане называли недоучкой, за остроту образов — «одичавшим Гойей». В картинах находили лишь «пеструю мешанину красок». А его «Олимпию», где была представлена независимая девушка парижской улицы, назвали самкой гориллы, сделанной из каучука.

Вульгарность, пошлость, дешевые безделушки... Желтая пресса не стеснялась.

Упитанный император Наполеон III, просверливая воздух тончайшими пиками своих нафиксатуаренных усов, первый развратник империи, а значит, и первый ее моралист, объявил картину «Завтрак на траве» аморальной. И тут же затявкали художественные полицейские: «Какая-то голая уличная девка бесстыдно расположилась между двумя франтами...»

Да что там император, что критики, даже иные натурщики взбунтовались. Они принимали эффектные позы, а Мане требовал жизненности. «Вы разучились быть естественными! — рассерженно и обидно говорил он им.— Разве вы так двигаетесь, когда идете купить пучок редиски с лотка?» В словах этих — позиция, программа требований художника.

Конечно, Мане был храбрым человеком. Даже в обычном смысле. Когда задевали его честь, брал в руки шпагу и выходил на дуэль. Правда, никаких политических программ у него не было, но были глубокая порядочность и убежденное желание жить с пользой. «Я ненавижу все бесполезное». Заявление будто простое, непритязательное, но довольно емкое, если учесть, что в понятие «бесполезное» вмещались и империя, и Наполеон III, и буржуа, и «мертвая» живопись. А полезным оказывались настоящее творчество, жизнь простых людей, республика, ради которой Мане не раз брал оружие в руки...

Когда Наполеон III развязал авантюрную войну и пруссаки оказались у стен Парижа, Мане надевает солдатскую форму, сует в солдатский мешок этюдник и мольберт. Империя рухнула, и он — солдат национальной гвардии республики.

«У Парижа душераздирающий вид. Многие бегут...» Мане не побежал. Он привычно ел свою конину, мерз, подвергался опасности эпидемии и спешил отправить с оказией — воздушным шаром — письмо жене.

«Мы худы, как гвозди».

Художник покидает Париж лишь после предательской капитуляции и возвращается туда в дни коммуны. Он член Федерации художников, член ее комитета.

Мане — не коммунар, но он — солдат свободы. Свидетель кровавого разгула версальской реакции. Улицы Парижа тогда обагрились кровью коммунаров. Тридцать тысяч расстреляно, зарублено, повешено. Мане запечатлевает гибель коммунаров, как гордых и героических людей. Каратели — бездумный механизм уничтожения.

Говорили, что его картины «проламывают стену». Так они были непривычны. Мане завидовал и радовался людям будущего: «...будут счастливее нас...». Он был поэтом юности, а ведь будущее — юность. Юность светла и радостна даже в самых малых своих проявлениях.

Многим героям Мане свойствен взгляд как бы в себя самое и вдаль. Желание, познав себя, провидеть, осуществиться в недалеком, но будущем? Самозабвенно играет на флейте мальчишка-музыкант («Флейтист»), воспроизводит и слушает мелодию, слушает себя. А в «Завтраке в мастерской» юноша-мальчик словно услышал далекий и только ему понятный зов. Взгляд его устремлен в завтрашний день... Но Мане слишком правдив, чтобы стать певцом безоблачной юности. Конечно, и он, и мы вслед за ним восхищаемся расцветом и непосредственностью девушки («Нана»), но как не заметишь усатого господина на диване, сидящего нагло и властно. Оказывается, юность расцветает для него...

С еще большей силой это противоречие вспыхивает в картине «Бар «Фоли Бержер». Нежная и мечтательно-грустная девушка — диковинный цветок, произрастающий среди вин и ликеров. Огромное, во всю стену, зеркало отражает шумящий зал ресторана. И здесь присутствует господин в цилиндре. Он словно увлекает девушку в зазеркалье, и некуда ей сбежать из-за частокола винных посудин. Но мы встречаем взгляд девушки — он свободен, он устремлен вдаль с надеждой.

Таково свойство многих картин Мане — существование в двух ипостасях, и обе они реальны: мир внутренней свободы и желаний добра и света, и мир зазеркалья, в котором безраздельно властвует буржуа. Но светится нам навстречу доверчивое лицо девушки у ресторанной стойки. Но рядом с ней цветы — огонек радости, островок надежды. Мане очень любил цветы, чувствовал в них глубокую нежность и чистоту: «Мне хотелось бы написать их все до одного». Нам повезло, что на выставке мы видим «Цветы в хрустальной вазе». Неяркий, бережно собранный букет. Мы ощущаем и бархатистость лепестков, и некоторую неловкость хрустального плена, и то мягкое сияние, сияние радующейся жизни, которое излучает букет.

Мане всегда внимательно всматривался в человека — своего современника. Известны его портреты писателей Золя и Малларме, коммунара Рошфора. Золя пребывает в горних высях своего творчества: «Мне казалось, что я нахожусь за пределами земли, в атмосфере правды и справедливости». Мечтательно-задумчив мягкий поэтический Малларме. Имя Рошфора нередко звучало на устах парижан, правда, чаще не в силу его политических подвигов, но из-за экстравагантности его характера. Мане привносит в портрет свое отношение к облику коммунара вообще. Перед нами вдохновенный, непокорившийся человек, бессильно и даже обреченно сложены его руки на груди.

На выставке представлены три портрета. Портрет родителей выглядит и монументальным, и живым исследованием характеров одновременно. Создается впечатление важного действа. Строгий и даже деспотичный старый Мане глубоко и тревожно задумался, мать чутко склоняется к нему с нежным участием. Букет цветов в корзине — самое яркое цветовое пятно — как мир их камерной жизни, которую они возделывали. Фигура политического деятеля Жоржа Клемансо, одиноко и зорко наблюдающего, концентрирует в себе, сжимает энергию, готовность к действию. Разительно отличается портрет А. Пруста, близкого друга художника, открытого, доброго, красивого человека.

Портреты Мане очень разны — поза, колорит, выражение, — никакого стандарта. Все диктуется характером модели, отношением к ней художника.

«Сражаться надо до конца» — эти слова Мане сказал в дни революции. Такой мирный, милый, элегантный, обычно ведущий размеренный образ жизни, Мане был сражающимся человеком. Сам процесс рождения новой картины называли «схваткой во время битвы». С раннего утра и до вечера художник не отходил от мольберта. Таким мы видим его на автопортрете: Мане приготовился сделать мазок, светлые глаза внимательны, он полон наступательной энергии, в нем есть что-то светлое и задиристое. Мане работает, сражается, он — веселый боец с «душой, озаренной солнцем».

Жюри главного выставочного Салона долгие годы не принимало картин художника на свои выставки. Потом пришлось смириться. Мане даже вручили орден Почетного легиона. Но после его смерти буржуа проявил себя во всей красе. Когда распродавали картины Мане, буржуазная республика не приобрела для государственных музеев ни одного полотна.

«...Ничего значительного нельзя создать в этой тупой стране, среди этой толпы чиновников от искусства...» Такое отношение не прощают. Буржуа не умеет любить, но если уж ненавидит — так до конца.

В. ЛИПАТОВ.